

С. С. Ходячих

СВИДЕТЕЛЬ ОБВИНЕНИЯ. ПОКАЗАНИЯ СТАНИСЛАВА ДУБЕЛЯ
НА ПРОЦЕССЕ ПО ДЕЛУ РУДОЛЬФА ХЕССА

78

Анализируется жизненный путь бывшего польского заключенного нацистского концентрационного лагеря Аушвиц Станислава Дубеля (1910 – ?), который в период с 1942 по 1944 гг. работал садовником на вилле коменданта Аушвица Рудольфа Хесса и впоследствии стал одним из главных свидетелей обвинения на процессе по его делу. Процесс состоялся в Варшаве в марте 1947 г. и продлился 18 дней. Помимо Дубеля, на нем выступили другие поляки – бывшие узники Аушвица, однако именно показания Станислава были наиболее полными и содержали много важных подробностей. Пройдя все круги аушвицкого ада, Дубель после освобождения из концлагеря вернулся к нормальной жизни и в 1947 г. выступил против Хесса. Именно благодаря показаниям Дубеля, которые являются не только важным юридическим, но и историческим источником, удалось восстановить часть его биографии. В настоящей статье поставлена задача проанализировать показания Дубеля на процессе по делу Хесса, оценить степень их достоверности и показать, какую роль они играют в реконструкции повседневной жизни и быта заключенных, коменданта Хесса и его семьи, а также других эсэсовцев, работавших в концлагере Аушвиц.

The article analyzes the life of former Polish prisoner of the Nazi concentration camp Auschwitz Stanislaw Dubiel (1910 – ?), who between 1942 and 1944 worked as a gardener at the villa of the Auschwitz commandant Rudolf Höss, and subsequently became one of the main prosecution witnesses at his trial. The trial took place in Warsaw in March 1947 and lasted 18 days. In addition to Dubiel, other Poles – former Auschwitz prisoners testified there, but Dubiel's testimony was the most complete and contained many important details. Having gone through all the circles of the Auschwitz hell, Dubiel after his release returned to normal life and in 1947 opposed Höss. Dubiel's testimony is not only an important legal source but also a historical source, that helps historians partly restore his biography. This article aims to analyze Dubiel's testimony in the Höss's trial, evaluate its authenticity, and determine what role it plays in the reconstruction of the daily life of Auschwitz inmates, commandant Höss and his family, as well as other SS-men who worked in Auschwitz.

Ключевые слова: концентрационный лагерь Аушвиц, заключенные, нацизм, история Германии, история Польши, Вторая мировая война.

Keywords: Auschwitz concentration camp, prisoners, Nazism, history of Germany, history of Poland, World War II.

После окончания Второй мировой войны многие государства, оккупированные немецкими войсками в период с 1939 по 1945 г. или сотрудничавшие с ними в преследовании мирного населения, проводили

народные трибуналы. Одной из самых активных стран стала Польша, на территории которой размещался концентрационный лагерь Аушвиц, впоследствии один из главных символов Холокоста. Начиная с 1946 г., польские судебные власти рассмотрели сотни дел подсудимых — немцев и местных коллаборационистов.

Наиболее известное послевоенное слушание дел нацистских преступников на территории Польши состоялось в Варшаве с 11 по 29 марта 1947 г. Это был уже четвертый процесс созданного в феврале 1946 г. Верховного национального трибунала Польши. На этот раз он был направлен против бывшего коменданта концлагеря Аушвиц Рудольфа Хесса.

На процессе по делу Хесса выступили многие свидетели — бывшие заключенные, работавшие в Аушвице на разных должностях. Одним из свидетелей обвинения стал участник польского Сопротивления в 1939—1940-х гг. Станислав Дубель, исполнявший обязанности личного садовника семьи Хессов во время их пребывания в Аушвице. Это были уже вторые показания Дубеля против Хесса, ранее его вызывали в Освенцим 7 августа 1946 г., где в присутствии окружного следственного судьи Яна Зена он рассказал о своей работе на комендантской вилле [30]. Эти показания стали не только важнейшим документом по делу Рудольфа Хесса, но и неоценимым источником, позволяющим восстановить биографию самого Дубеля.

Ни в отечественной, ни в зарубежной историографии показания Дубеля не становились предметом специального исследования, не говоря уже о личности самого Станислава. Западноевропейские и американские историки в основном упоминали Дубеля в контексте его заключения в Аушвице и работы в качестве садовника семьи Хессов [6, р. 143—144; 12, р. 104; 14, р. 41, 308, 309—312, 463; 16, р. 67; 17, р. 124—125; 18, р. 372; 19, р. 144—145], при этом не рассматривали его показания на процессе по делу Рудольфа Хесса, хотя они проливают свет не только на события из жизни Дубеля, но и частично способствуют реконструкции лагерного быта в целом. Удивительно, но в новейшей монографии 2018 г. «Правосудие за “железным занавесом”: нацисты на суде в коммунистической Польше» американского историка Г. Н. Файндера и его украинского коллеги А. В. Прусина о Дубеле вообще не упомянуто ни слова [11], хотя он был одной из ключевых фигур на варшавском процессе. Эти обстоятельства повышают значимость настоящей работы и актуализируют изучаемую проблему.

Анализируя протоколы свидетельских показаний Станислава Дубеля, оригиналы которых хранятся в архиве варшавского Института национальной памяти [29; 30], необходимо сделать ряд пояснений. Во-первых, Дубель отвечал только на те вопросы, которые задавали следователи и представители защиты. Во-вторых, даже когда у него была возможность обстоятельно рассказать о том, что он видел собственными глазами в доме Хесса, то говорил только то, что считал нужным. Также в его показаниях есть хронологические ошибки, связанные с банальной забывчивостью, поэтому они нуждаются в дополнительной проверке.

Наконец ключевые свидетельства, направленные против Хесса (15 марта 1947 г.), по решению суда он давал без присяги, хотя был проинформирован об ответственности за дачу ложных показаний [29, s. 77]. Эти обстоятельства препятствуют восстановлению жизненного пути Дубеля и образуют дополнительные лакуны в его биографии.

Впервые показания Дубеля были опубликованы в 1972 г. сотрудниками Государственного музея в Освенциме на английском языке в сборнике «Концлагерь Аушвиц глазами СС» [13, p. 287–292], где, помимо выдержек из воспоминаний Рудольфа Хесса, мемуаров бывшего сотрудника политического отдела лагеря Пери Броода и дневника врача Иоганна Кремера, также содержатся показания Станислава Дубеля и шведки жены Хесса Янины Щурек [Ibid., p. 293–294]. Перевод сборника на русский язык был сделан в 1975 г. [1, с. 265–272].

Показания Станислава Дубеля имеют важное значение и были включены в сборник «Концлагерь Аушвиц глазами СС» неслучайно. Дубель имел доступ в дом Хессов и был частым свидетелем того, что в этом доме происходило. К примеру, он дважды видел рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера во время его посещения Аушвица в 1943 г. и даже был участником бесед рейхсминистра внутренних дел Германии с комендантом лагеря, о чем впоследствии расскажет на следствии по делу Хесса. Более того, позднее многие свидетели обвинения, вызванные для дачи показаний против Хесса, будут ссылаться именно на Дубеля как непосредственного очевидца событий, связанных с комендантом Аушвица, так как он мог предоставить «больше информации о сотрудниках лагеря» [23, s. 362; 24, s. 310; 25, s. 245].

Станислав Дубель родился 13 ноября 1910 г. в польском городе Хожув, расположенном в Силезском воеводстве. По национальности он поляк. Его родители Клеменс и Анна Петржак были католиками и привили религиозность своему сыну. Первого сентября 1939 г., в день начала Второй мировой войны, Хожув был захвачен немецкими войсками, которым на протяжении нескольких дней давали отпор силезские ветераны. Вскоре город стал административной единицей Третьего рейха и вошел в состав Германской Силезии под названием Кёнигсхютте. На протяжении войны здесь располагалось несколько принудительных трудовых лагерей, в том числе два филиала Аушвица. Как только в Хожув вторглись немцы, в нем была создана подпольная организация, направленная на борьбу с фашистами.

С первых дней оккупации Хожува в деятельности польских партизан активное участие стал принимать Дубель. Позднее он заявил, что в его личном деле, хранившемся в политическом отделе Аушвица, отмечен факт принадлежности к некоей тайной польской организации [30, s. 57], за что позднее его едва не расстреляли. В составе одного из отрядов польских партизан, действовавших на территории Верхней Силезии, Дубель воевал более девяти месяцев, пока 11 июня 1940 г. его не арестовали немецкие войска.

В период с 11 июня по начало ноября 1940 г. Дубель содержался в одной из тюрем города Катовице, который расположен всего в несколь-

ких километрах от Хожува. Оттуда его транспортировали в Аушвиц, и 6 ноября 1940 г. он оказался в одноименном концлагере, где ему присвоили номер 6059 [3]. Неизвестно точно, чем он занимался на протяжении четырех месяцев после прибытия в лагерь и на каких работах был задействован, так как, по его собственным словам, лишь в начале марта 1941 г. его назначили садовником лагерфюрера Карла Фрича и то лишь потому, что он знал немецкий язык. Проработав у Фрича до поздней осени и испытав немало унижений, в том числе побоев за малейшие провинности, в начале января 1942 г. Дубель переведен к Хансу Аумейеру, который сменил Фрича в должности заместителя коменданта Аушвица. В доме Аумейера Дубель работал до начала апреля 1942 г., затем его направили в качестве садовника-огородника к коменданту Аушвица Рудольфу Хессу.

Это был шанс, за который можно и нужно было зацепиться, и Дубель этим шансом воспользовался. Место личного садовника главного человека в концлагере Станислав получил по протекции одной из подруг семьи Фрич, которую очень впечатлила его работа в саду, после чего Дубеля к себе затребовал лично Хесс. Предшественник Дубеля был расстрелян за день до его назначения. Это был поляк родом из Кракова [29, s. 77], имя которого, к сожалению, осталось неизвестным.

К исполнению привычных обязанностей Дубель приступил 6 апреля 1942 г. По сути, это была та же работа, но в новой обстановке и с совершенно другим уровнем ответственности. Ему надлежало не просто быть внимательным и осмотрительным, но постараться любой ценой завоевать расположение Рудольфа Хесса и его супруги Хедвиг, которая активно интересовалась политикой и была в курсе всего, что происходило в Аушвице. И Дубелю снова повезло. Ему не только удалось подтвердить репутацию хорошего садовника, но и войти в доверие к Хессам. Об этом красноречивее всего говорит тот факт, что во время визитов Генриха Гиммлера в Аушвиц Рудольф Хесс, прогуливаясь по саду, беседовал с рейхсфюрером СС в присутствии Дубеля, причем предметами разговоров были далеко не праздные вещи. Также жена Хесса неоднократно ловила Станислава на краже продуктов, но всякий раз прощала, потому что сама была замешана в воровстве, о чем, в свою очередь, знал Дубель. Более того, со временем он стал действовать по прямому указанию Хедвиг, тайком брал продукты с продовольственного склада для узников и нес их прямо в дом Хессов. Позднее Дубель говорит: «Всего лишь за один год я отнес к Хессам три мешка сахара по 85 кг каждый. Жена Хесса ясно дала мне понять, что никто из эсэсовцев не должен знать об этих поручениях. Я заверил ее, что все это делаю со своим другом» [30, s. 53].

В обеспечении семейства Хессов продовольствием Станислав Дубель играл ключевую роль. Поначалу лучшие и свежие продукты с продовольственного склада садовник носил в корзине, однако со временем аппетита жены коменданта Аушвица и ее многочисленных гостей стали расти, и Дубелю пришлось использовать тележку. Со склада в дом Хессов попадало все самое необходимое: мука, сахар, маргарин,

горох, манная крупа, макароны, какао, овсяные хлопья, различные приправы для супов, кондитерские изделия, но Хедвиг редко была довольна и постоянно говорила Станиславу, чего ей еще не хватает. Это был прямой намек на то, что он еще должен достать. «Эти продукты она использовала не только на своей кухне, но некоторые из них посылала своим родственникам в Германию, — вспоминал Дубель. — Таким же способом я снабжал кухню Хесса мясом, которое брал прямо с бойни, а также молоком» [29, s. 91, 98; 30, s. 53–54]. И если по продовольственным карточкам Хессам полагался литр с четвертью молока в день, то Дубель ежедневно брал с лагерного молочного пункта по пять литров, а по особым случаям приносил сметану. При этом молочный пункт получал деньги только за ту норму молока, которая полагалась коменданту лагеря, за остальные продукты Хессы не платили. Заключенные Аушвица отмечали, что жена Хесса часто лично приходила на молокозавод, где, помимо молока, ей давали «также овощи и другие продукты» [21, s. 139]. При этом она была болтлива и хвасталась наградами своего мужа.

Разумеется, осуществить в одиночку доставку продуктов со склада на виллу Хессов, да еще и в таких масштабах, Дубелю было не под силу. И он пошел на хитрость. Поскольку Хедвиг Хесс не давала ему ни денег, ни карточек, Станислав через своего друга Адольфа Мацейовского, работавшего на складе капо, установил тесные контакты с начальником склада унтершарфюрером СС Францем Шебеком и сыграл на его самолюбии. Дубель намекнул ему, что подслушал разговор Рудольфа Хесса, в котором комендант Аушвица вел речь о продвижении Шебека по службе. Будучи карьеристом по натуре, Шебек понял, что это его шанс сделать карьеру, поэтому стал помогать Дубелю [19, p. 144–145]. С этого времени на кухне Хессов всегда были свежие продукты.

«Служебное» положение Дубель использовал и в личных целях. Схема, придуманная находчивым садовником для снабжения семейства Хессов, работала и в отношении помощи заключенным концлагеря. Станислав брал у начальника продсклада Шебека побольше продуктов якобы лично для Рудольфа Хесса, а позднее передавал их в лагерь для узников, которые наиболее остро нуждались в еде. Также Дубель с друзьями поляками способствовал побегам нескольких узников Аушвица. Правда, неизвестно, насколько успешными они были. Австрийский историк Херманн Лангбейн провидит историю о том, как Дубель буквально выпросил у Хедвиг Хесс теплую куртку для новорожденного ребенка одной из заключенных Аушвица, вероятно, солгав, что именно он являлся его отцом [14, p. 463].

Иногда Дубель шел на откровенные риски. Известен случай, когда он взял на себя вину другого заключенного, обвиненного в воровстве. Работавший парикмахером в лагере поляк Юзеф Пачиньский был соседом Дубеля по бараку. Однажды он спросил своего земляка, можно ли взять несколько помидоров из огорода Хесса, на что Станислав дал утвердительный ответ. Дубель подсказал Пачиньскому, что в огород лучше попасть через расшатанную планку в заборе, отделявшую сад

Хесса от крематория, и Юзеф отправился за помидорами в одиночку. В условленном месте он нашел спрятанные ведра с луком и помидорами, но как только Пачиньский собрался уходить, появилась жена Хесса с неизвестной женщиной. Они заметили заключенного, который поклонился им и молча прошел мимо с полными ведрами овощей, но при этом ничего не сказали. Напуганный до смерти парикмахер ждал, что его в тот же вечер уведут в блок №11, или «блок смерти», где умерщвляли узников, но за ним никто не пришел. Станислав во всем признался жене Хесса и сказал, что Пачиньский забрал ведра с овощами с его согласия, то есть, по сути, всю вину за воровство взял на себя. Этот случай еще раз доказывает то, что между Хедвиг Хесс и Станиславом Дубелем установились особые рабочие отношения, и жена коменданта Аушвица не тронула садовника только потому, что он еще какое-то время был ей нужен. По словам историка Л. Риса, она «не потребовала наказать безмянного заключенного, которого поймала на воровстве, — а она легко могла это сделать — чтобы не наказали того, с кем она какое-то время имела дело» [17, p. 125]. Эпизод был исчерпан и забыт, но стал хорошим уроком и для Пачиньского, и для Дубеля, ведь «подобный опыт для многих заключенных был ключом к выживанию: если нацисты считали тебя полезными для них, ты продолжал жить, по крайней мере, еще какое-то время» [16, p. 67].

Работа в саду коменданта лагеря открывала Дубелю новые возможности. Имея практически неограниченный доступ к продуктам, он мог себе позволить взять что-то из еды лично для себя, что стало ключевым фактором выживания в аушвицком аду. Рудольфу Хессу нужен был здоровый и физически сильный садовник, который выполнял бы все его поручения и, помимо основной занятости в огороде, делал различную работу по дому. Это было особенно важно, так как дети коменданта часто гуляли на улице, где они могли столкнуться с заключенным поляком, поэтому у Хесса не должно было возникнуть даже малейших подозрений на какую-либо физическую неполноценность своего работника. По словам Дубеля, Хесс требовал от него чистоты, «дважды в неделю менять нижнее белье и иметь больше вещей», так как «волновался не о моем здоровье, а только чтобы я не принес его детям тиф или другую лагерную болезнь». Из-за боязни заразиться тифом комендант лагеря даже запретил Станиславу «навещать коллег» [29, s. 105].

«Разные работы по дому», о которых Дубель говорил в своих показаниях, сделали его очевидцем того, как была устроена жизнь семьи Хессов. «Я имел возможность близко наблюдать как самого Хесса, так и его семью» [30, s. 51], — отмечал Дубель. Очевидно, комендант Аушвица был не очень занятым человеком, так как днем часто заходил домой, где подписывал разные документы, которые ему приносили подчиненные из канцелярии. По территории лагеря он редко передвигался пешком, предпочитая ездить верхом или на автомобиле. Нередко на своей вилле Хессы устраивали «великолепные приемы», продукты и алкоголь для которых Дубель доставал после подробных «инструкций» Хедвиг. Станислав называет имена трех высокопоставленных эсэсовцев, посетивших в разное время комендантский дом: помимо уже упомянутого

Генриха Гиммлера, это командующий юго-восточным округом СС во Вроцлаве обергруппенфюрер СС Эрнст-Генрих Шмаузер, которого Дубель по ошибке называет инспектором концентрационных лагерей (им был группенфюрер СС Рихард Глюкс), а также начальник Главного административно-хозяйственного управления СС обергруппенфюрер СС Освальд Поль.

Помимо продуктов питания, Дубелю приходилось «организовывать» для Хессов и другие, «даже самые мелкие предметы, нужные в домашнем хозяйстве» [29, s. 79; 30, s. 55], такие как крем и щетки для обуви, нижнее белье, кожаные вещи. Хесс часто получал лучшую кожу и различные кожаные изделия от бывшего заключенного Эриха Гренке, который был обязан коменданту Аушвица своим освобождением. По ходатайству Хесса Гренке устроился на кожевенную фабрику, где руководил мастерской и навещал виллу коменданта едва ли не каждый день, привозя с собой галантерейные изделия и обувь. Одежду по специальным заказам Хесса для всей его семьи шили на фабрике лучшие портные из числа заключенных евреев, а в доме коменданта на протяжении полутора лет работали две портнихи-еврейки, «шившие для жены Хесса и его дочерей из материалов, доставленных Гренке со складов» [30, s. 55–56].

Специально для Хедвиг Хесс Дубель выращивал в саду и парниках редкие цветы, причем семена и рассаду жена коменданта заказывала отдельно. Позднее Рудольф Хесс в своей автобиографии вспоминал: «По правде говоря, в Аушвице моя семья была очень хорошо обеспечена. Каждое желание, возникавшее у моей жены или у детей, исполнялось... У жены был настоящий цветочный рай» [7, p. 173]. Этот «рай» жене Хесса обеспечил в том числе Станислав Дубель, который контролировал доставку на виллу «тысяч горшков с цветами, семян, рассады, а осенью особенно много овощей на зимние запасы» [30, s. 56–57]. Хедвиг настолько нравился Аушвиц, что, даже когда к территории Польши начали приближаться советские войска, она в присутствии Дубеля абсолютно искренне сказала: «Здесь хочу жить до самой смерти» [29, s. 87; 30, s. 56].

Поздним летом и иногда ранней осенью Дубель занимался заготовкой кокса для отопления огромного дома коменданта лагеря. С этой целью он с другими заключенными «организовывал» 70 т коксующегося угля, большая часть которого шла для поддержания необходимого микроклимата в парниках.

Со временем хозяйство Хессов разрослось настолько, что, когда в ноябре 1943 г. Рудольфа Хесса перевели на должность инспектора концентрационных лагерей и ему нужно было покинуть Аушвиц, понадобилось четыре железнодорожных вагона, чтобы вместить все его вещи, хотя в 1940 г. на новое место работы он переезжал на небольшом фургоне [29, s. 102]. Комендант Аушвица этому переводу совсем не обрадовался, несмотря на повышение по службе и возможность оказаться поближе к Берлину. Устроенная жизнь, привычный быт и возможность руководить целой лагерной империей стали причиной того, что он «очень хотел остаться в Аушвице» [30, s. 57].

Хесс ценил своего садовника и был доволен тем, как он делает свою работу. Об этом комендант концлагеря говорил Генриху Гиммлеру во время его визита в Аушвиц летом 1943 г., когда на вопрос рейхсфюрера СС, за что Дубель арестован и как себя ведет, Хесс ответил, что он «работает аккуратно» и «положительно». При этом Гиммлер рекомендовал Станиславу продолжать трудиться в том же духе, и он когда-нибудь получит свободу [29, s. 79, 117]. Несколько раз Хесс спасал садовника от неминуемой гибели и переводов в другие концлагеря на более тяжелые работы (по словам Хесса, это были Маутхаузен и Флоссенбург, где практиковался труд заключенных в каменоломнях). Дубель вспоминал, что его фамилию трижды вносили в списки лиц, приговоренных к расстрелу, но всякий раз комендант лагеря его отставивал. Позднее эту информацию на процессах по делам других нацистских преступников подтвердили некоторые бывшие заключенные Аушвица [20, s. 305–306; 22, s. 382–383; 24, s. 310; 25, s. 243–244; 26, s. 312–313; 27, s. 202].

Двенадцатого июня 1942 г. во дворе блока №11 у «стен смерти» произошел массовый расстрел 60 польских политических заключенных, которых обвиняли в подпольной борьбе против Германии. В этот день Дубеля и еще 172 человека вывели из блока и отправили на казнь, однако против расстрела своего садовника выступил Хесс, который потребовал его освобождения и возвращения на работу. Начальнику политического отдела Аушвица Эрнесту Грабнеру, который находился не в очень хороших отношениях с Хессом, это не понравилось. После обеда он приехал на виллу коменданта и потребовал вернуть Дубеля в расстрельные списки, но Хесс ответил отказом. За садовника вступилась прежде всего Хедвиг Хесс, для которой Дубель представлял особую ценность [24, s. 310], ведь в случае его расстрела она теряла надежный канал поставки продовольствия и других товаров в свой дом. Позднее на процессе по делу Хесса Дубель скажет, что это решение было сугубо прагматичным, поскольку у жены Хесса «не было никаких моральных сомнений и никаких других причин», «это было сделано потому, что я был принят в так называемую организацию дома Хесса» [29, s. 80].

Во второй раз попытку расстрелять Дубеля начальник политического отдела Аушвица предпринял 14 июля 1942 г., но казнь вновь была отменена. В третий раз Хесс спас своего садовника в октябре того же года, когда Станислав был приговорен к смертной казни вместе с 280 заключенными из Люблинского воеводства и все по той же политической статье за подпольную деятельность. Постоянное балансирование на грани жизни и смерти и неопределенность доставили Дубелю много моральных страданий, о чем он позднее заявил на процессе. Впоследствии жена Хесса неоднократно напоминала Дубелю о том, что его спас ее супруг, «заставляя как можно старательнее выполнять все то, что она мне приказывала» [30, s. 58]. Сам комендант Аушвица никогда об этих инцидентах не вспоминал. И вновь это были исключительно рабочие отношения, так как Хессов интересовали только деловые черты Дубеля и его трудовая этика, а не национальность. Хедвиг часто говорила, что поляки «существуют только для того, чтобы работать, пока не подох-

нут», а для евреев видела лишь одну участь — массовое уничтожение: «Они должны исчезнуть с земного шара до самого последнего, включая английских евреев» [30, s. 58].

Несмотря на то что заключенные лагеря жили в условиях настоящего ада, Дубелю удавалось проявлять редкую наблюдательность и быть в курсе последних событий, чему, безусловно, способствовала работа в комендантском саду. Согласно его показаниям, в преступлениях против поляков, евреев, чехов, венгров и других национальностей повинен не только Хесс, но и его жена Хедвиг, причем степень ее вины не меньше, чем у ее супруга. Он открыто заявил о ее причастности ко всем злодеяниям, происходивших в Аушвице, и отметил, что Хедвиг знала обо всем, что случилось в концлагере. Более того, когда комендант уезжал, она, вероятно обладая факсимиле, подписывала от его имени многочисленные документы, находившиеся на рабочем столе Хесса, причем большая часть этих бумаг была постановлениями о вынесении смертных приговоров [29, s. 81]. Однако это лишь предположение Дубеля, о чем он заявит на процессе по делу Хесса 15 марта 1947 г. Сам Хесс подтвердил наличие у него одного факсимильного аппарата, который хранился в сейфе его адъютанта. В отношении того, что жена подписывала документы в его отсутствие, он сказал, что «таких вещей не знает» [Ibid., s. 108].

При первой возможности заключенные, работавшие на комендантской вилле, передавали последние новости в лагерь. Иногда это спасало десятки и сотни жизней. Однажды Дубель подслушал разговор Гимmlера и Хесса, из которого стало понятно, что лагерной администрации известно о существовании подпольной организации на территории Аушвица, в связи с чем эсэсовцы хотели устроить диверсию и пустить в бараки сотрудников гестапо, «чтобы они жили в нашей форме» [Ibid., s. 82–84]. В сложившейся обстановке нужно было как можно скорее предупредить лагерь об опасности. Через друзей и знакомых Дубель донес эту информацию до других заключенных, и идея с провокацией эсэсовцев провалилась.

Ноябрь 1943 г. должен был стать своего рода водоразделом в лагерной жизни Дубеля, но обстоятельства снова сложились в пользу садовника. Казалось бы, с отъездом Рудольфа Хесса и без того хрупкий мир Станислава разрушится окончательно, и он вернется к прежнему существованию, однако в дело вновь вмешалась Хедвиг, и Дубель продолжил работать на комендантской вилле вплоть до отъезда семьи Хесса летом 1944 г. Сменивший Хесса в должности коменданта Аушвица Артур Либехеншель пробыл в лагере меньше года — до 19 мая 1944 г. — и не стал обращать внимания на существовавший в доме своего предшественника порядок, сосредоточив все усилия на «улучшении» жизни заключенных.

В связи со сменой руководства лагеря у Дубеля практически не осталось свободного времени, он вынужден был работать не только до позднего вечера, но зачастую и ночью. При этом жена Хесса требовала от садовника рассказывать ей обо всех новостях, происходивших в Ауш-

вице, но Станиславу удавалось «извиваться и плакать», за что Хедвиг осыпала его новыми проклятиями. Примерно раз в шесть недель Хесс навещал супругу и детей и привозил с собой огромные коробки с дорогим вином, ликером и фруктами, которые Хедвиг заботливо прятала в подвал «до лучших времен».

Немалый интерес представляет характеристика, которую Дубель дал коменданту Аушвица. В представлении Станислава Рудольф Хесс — концентрированное выражение зла и насилия, символ горя и страданий, главный разрушитель шаткого микромира заключенного. Отношение садовника к бывшему хозяину ярче всего выражается во фразе: «Он был нашим ужасом», и эти слова в целом применимы ко всем узникам концлагеря. При этом Дубель не наговаривает на Хесса, а говорит только о том, что видел лично: «Я никогда не видел, чтобы Хесс ударил кого-то из заключенных или чтобы в кого-то стрелял». С другой стороны, за все, что происходило в Аушвице, комендант нес персональную ответственность, так как «знал обо всем» и «ничего не могло делаться за его спиной» [29, s. 93, 99].

Несмотря на неимоверно тяжелые условия существования и стремление выжить любой ценой, Дубель не забывал о вере. Станислав ничего не говорит о своем отношении к религии, но судя по тому, с каким неприятием он обрушился на семейство Хессов в вопросе их «неправильного нравственного воспитания» детей и отправления культа, можно сделать вывод, что он был глубоко верующим человеком и любое проявление неуважения к какой-либо религии его искренне оскорбляло. Убежденные национал-социалисты, Хессы совсем не признавали «религиозного поклонения», а из дней рождения детей делали настоящие представления и торжественно их отмечали. При этом «смеялись над верой» и обо всех отзывались «в оскорбительной форме», что вызывало искреннюю радость у Хедвиг. Детям было позволено абсолютно все. И если пятилетний сын Хесса Ханс-Юрген открыто богохульствовал, получая одобрение со стороны родителей, то старший ребенок, четырнадцатилетний Клаус, был «очень амбициозным, играл с пистолетом и карабином и стрелял прямо в сад», приговаривая: «Я пристрелю польскую свинью» [Ibid., s. 95—97]. Испугавшийся за свою жизнь Дубель завернул в тряпку лежавшие в саду пистолеты, положил их в мешок и отнес коменданту, посоветовав хранить подальше от эсэсовцев и заключенных, которые могли их взять, с чем Хесс согласился.

Дубель был свидетелем массового сжигания трупов в крематориях Аушвица I и Аушвица II Биркенау. Вид огня, черный пепел и запах, выходявший из трубы, сводил с ума не только заключенных, но и семью Хессов. Когда работала «фабрика смерти», все окна в комендантском доме были закрыты. По иронии судьбы первый крематорий Аушвица I располагался всего в сорока метрах от виллы Хесса, а невысокий дымоход даже «влезал» в комнаты. В один из дней обычно спокойный Рудольф Хесс был подавленным и взволнованным, так как над лагерем пролетел самолет, хотя все полеты над Аушвицем были категорически запрещены. Несмотря на то что самолет оказался немецким,

комендант осыпал пилота проклятьями, из чего Дубель сделал следующий вывод: «Теперь я точно знал, что эти вещи против собственной армии и народа хотели скрыть, поэтому старались, как могли, чтобы не было много новостей» [29, s. 99].

Летом 1944 г. семья Хесса покинула Аушвиц, и Дубель столкнулся с новой проблемой. У него больше не осталось покровителей, поэтому нужно было перестроиться психологически и продолжить борьбу за выживание. Он неоднократно говорил, что ему повезло выжить в аушвицком аду, при этом неизвестно, чем именно он занимался и как жил в период с лета 1944 г. по январь 1945 г. Очевидно, эти полгода были самыми тяжелыми в лагерной жизни бывшего садовника Рудольфа Хесса, и можно лишь представить, через какие испытания он прошел.

В день освобождения Аушвица советскими войсками, 27 января 1945 г., Дубеля в списке выживших не оказалось. В архиве Государственного музея Аушвиц-Биркенау содержится лишь информация о том, что Дубель находился в концлагере до 18 января 1945 г., пережил войну и выступил свидетелем на процессе по делу бывшего коменданта лагеря Рудольфа Хесса, о чем автору статьи любезно рассказала сотрудница Бюро информации о бывших узниках Государственного музея Аушвиц-Биркенау Сара Раногаец. Поиски в архивах других концлагерей привели нас к выводу, что Дубель стал одним из участников так называемого «марша смерти» и вместе с частью трудоспособных заключенных был транспортирован в Маутхаузен, куда прибыл на поезде 25 января 1945 г. [5] и где находился вплоть до начала мая 1945 г. [2; 10], причем последние несколько недель до освобождения содержался в филиале Маутхаузена Эбензее [15].

Маутхаузенские документы дают дополнительные сведения о личной жизни Дубеля и его внешности. В частности, в личной карте заключенного указано, что он был женат и его супругу звали Гертруда. Станислав был светловолосым мужчиной невысокого роста (168 см) среднего телосложения, помимо польского говорил на немецком языке. Там же отмечалось, что его основная специальность в лагере – садовник. В 1973 г. Дубель направил запрос в крупнейший центр документации о преследованиях национал-социалистическим режимом Архивы Арользен с просьбой найти документы, подтверждающие факт его пребывания в концлагере Маутхаузен [9].

После освобождения Дубель вернулся в Хожув, где проживал по своему довоенному адресу: ул. Повстанцев, 49 [30, s. 51]. Он стал вести привычную жизнь. Неизвестно, выжила ли его первая супруга или он снова женился после освобождения, однако в начале февраля 1951 г. у него родился сын Маркус, который в последние годы проживал в баварском городе Ландсхут. К сожалению, связаться с Маркусом Дубелем и получить у него хоть какие-то сведения о послевоенной жизни его отца не удалось. Известно, что в феврале 1982 г. Маркус Дубель обратился в Архивы Арользен с целью подтвердить факт пребывания его отца в концлагере Маутхаузен, и в этом документе зафиксирована дата его рождения – 03.02.1951 г. [8].

Подведем итоги. Станислав Дубель — человек одновременно и необычной, и типичной для миллионов заключенных немецких концлагерей судьбы. Он прошел через многие круги аушвицкого ада, вынес нечеловеческие страдания, испытал унижение, неоднократно находился на краю гибели, однако всякий раз ему сопутствовала удача, и он остался в живых. Долгое нахождение в лагере сказалось на его психологическом здоровье, поскольку постоянное пребывание на грани жизни и смерти не могло не отразиться на его психике. Тем не менее ему удалось, по терминологии австрийского психолога, также бывшего узника Аушвица Виктора Франкла, проявить невероятное «упрямство духа» и сохранить «возможность оградить себя от влияния той среды» [4, с. 143]. В результате он нашел в себе внутренние силы, преодолел все препятствия и испытал ни с чем не сравнимый и такой долгожданный момент освобождения, чтобы позднее стать одним из главных свидетелей обвинения на процессе по делу бывшего коменданта концлагеря Аушвиц Рудольфа Хесса, а его показания по сей день имеют большое историческое значение и являются важным источником сведений по истории Второй мировой войны.

Список источников и литературы

1. *Освенцим* в глазах СС. Гесс, Брод, Кремер. Освенцим, 1975.
2. Станислав Дубель, заключенный №117670 // Концентрационный лагерь Маутхаузен. URL: https://collections.arolsen-archives.org/en/search/people/1421371/?p=1&s=Stanislaw%20Dubiel&s_lastName=asc (дата обращения: 18.06.2019).
3. Станислав Дубель, заключенный №6059 // База данных узников концлагеря Аушвиц. URL: http://base.auschwitz.org/wiezien.php?lang=en&ok=osoba&id_osoba=60628 (дата обращения: 13.06.2019).
4. Франкл В. Человек в поисках смысла. М., 1990.
5. *Arrival list of CC Mauthausen, 1.1.26.1/1320290* // ITS Digital Archive, Arolsen Archives.
6. *Centropa: a journal of central European architecture and related arts*. N.Y., 2004. Vol. 4.
7. *Commandant of Auschwitz. The Autobiography of Rudolf Hoess*. Cleveland; N. Y., 1959.
8. *Correspondence file T/D – 143039, 6.3.3.2/86967363* // ITS Digital Archive, Arolsen Archives.
9. *Correspondence file T/D – 143039, 6.3.3.2/86967365* // ITS Digital Archive, Arolsen Archives.
10. *Correspondence file T/D – 143039, 6.3.3.2/86967370* // ITS Digital Archive, Arolsen Archives.
11. *Finder G., Prusin A. Justice behind the Iron Curtain: Nazis on Trial in Communist Poland*. Toronto, 2018.
12. *Harding T. Hanns and Rudolf: the true story of the German Jew who tracked down and caught the Kommandant of Auschwitz*. N. Y., 2013.
13. *KL Auschwitz seen by the SS. Höss. Broad. Kremer. Oswiecim, 1972*.
14. *Langbein H. People in Auschwitz*. Chapel Hill ; L., 2004.
15. *List of liberated prisoners in sub-camp Ebensee of CC Mauthausen, 1.1.26.1/1303827* / ITS Digital Archive, Arolsen Archives.
16. *Lombardo J., Robson D. The Horrors of Auschwitz*. N. Y., 2017.
17. *Rees L. Auschwitz: The Nazis and “The Final Solution”*. L., 2005.

18. *Wachsmann N. KL: a history of the Nazi concentration camps.* N. Y., 2015.
19. *Weber H. Holocaust Mosaic.* N. Y., 2006.
20. *Zeznanie Adolfa Maciejowski z dnia 13 września 1947 roku* // Archiwum Instytutu Pamięci Narodowej w Warszawie. Sygn. IPN GK 196/135. S. 305–306.
21. *Zeznanie Alfreda Barabasza z dnia 13 września 1946 roku* // Archiwum Instytutu Pamięci Narodowej w Warszawie. Sygn. IPN GK 196/85. S. 139–140.
22. *Zeznanie Erwina Olszówka z dnia 25 września 1947 roku* // Archiwum Instytutu Pamięci Narodowej w Warszawie. Sygn. IPN GK 196/137. S. 381–385.
23. *Zeznanie Henryka Lierscha z dnia 17 września 1947 roku* // Archiwum Instytutu Pamięci Narodowej w Warszawie. Sygn. IPN GK 196/137. S. 360–363.
24. *Zeznanie Jerzy Malcherczyka z dnia 20 stycznia 1947 roku* // Archiwum Instytutu Pamięci Narodowej w Warszawie. Sygn. IPN GK 196/171. S. 309–312.
25. *Zeznanie Józefa Głuszaka z dnia 9 grudnia 1946 roku* // Archiwum Instytutu Pamięci Narodowej w Warszawie. Sygn. IPN GK 196/89. S. 242–245.
26. *Zeznanie Józefa Janusa z dnia 17 września 1947 roku* // Archiwum Instytutu Pamięci Narodowej w Warszawie. Sygn. IPN GK 196/135. S. 312–313.
27. *Zeznanie Kazimierza Smoleña z dnia 30 lipca 1947 roku* // Archiwum Instytutu Pamięci Narodowej w Warszawie. Sygn. IPN GK 196/135. S. 199–204.
28. *Zeznanie Mieczysława Kotlarski z dnia 3 grudnia 1947 roku* // Archiwum Instytutu Pamięci Narodowej w Warszawie. Sygn. IPN GK 196/163. S. 265–280.
29. *Zeznanie Stanisława Dubiela z dnia 15 marca 1947 roku* // Archiwum Instytutu Pamięci Narodowej w Warszawie. Sygn. IPN GK 196/107. S. 77–119.
30. *Zeznanie Stanisława Dubiela z dnia 7 sierpnia 1946 roku* // Archiwum Instytutu Pamięci Narodowej w Warszawie. Sygn. IPN GK 196/85. S. 51–58.

Об авторе

Сергей Сергеевич Ходячих — канд. ист. наук, пресс-атташе, Ассоциация «Баскетбольный клуб "Химки"», Россия.

E-mail: khodyachikh@gmail.com

The author

Dr Sergey S. Khodyachikh, PhD, press-officer, Association Basketball club Khimki, Russia.

E-mail: khodyachikh@gmail.com